Одиночество простых чисел

Автор:
Паоло Джордано

Одиночество простых чисел

Паоло Джордано

Одиночество простых чисел

Главные герои бестселлера “Одиночество простых чисел” – дебютного романа молодого итальянского физика Паоло Джордано – Аличе и Маттиа. Они странные, необычные, каждый со своей, сломанной детской травмой, логикой, своим восприятием мира: молчаливый мальчик, который учится только на “отлично”, и девочка, страдающая анорексией. Едва встретившись, оба ощутили, что их связывает невидимая, но прочная нить. Маттиа думал, что они с Аличе – простые числа, одинокие и потерянные, они стоят рядом, хотя и не настолько рядом, чтобы по-настоящему соприкоснуться. Но только ей он никогда не говорил об этом… Иногда он думал, что в математический ряд они попали по ошибке и выглядят как жемчужины в ожерелье.

Пронзительную историю любви и одиночества экранизировал итальянец Саверио Костанзо.

Российская премьера состоялась в рамках второго кинофестиваля Венеция – Москва (2011).

Паоло Джордано

Одиночество простых чисел

Paolo Giordano

La solitudine dei numeri primi

© Arnoldo Mondadori Editore S.p.A., Milano 2008

© И. Константинова, перевод на русский язык, 2009

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2014

© ООО “Издательство АСТ”, 2014

Издательство CORPUS ®

* * *

Элеоноре,

потому что обещал тебе эту книгу в тиши

Богато отделанное платье старой тетушки прекрасно сидело на изящной фигуре Сильвии, которая попросила меня застегнуть его. «Смотри-ка, тут простые рукава. Как смешно!» – воскликнула она.

Жерар де Нерваль, «Сильвия», 1853

Снежный ангел

(1983)

1

Аличе делла Рокка ненавидела лыжи и все, что связано с ними. Ненавидела будильник, звонивший утром в семь тридцать даже в рождественские каникулы, своего отца, сверлившего ее взглядом, пока она завтракала, – обычно он нервно постукивал ногой под столом, будто требуя: поторопись! Ненавидела колючие шерстяные колготки, варежки, стеснявшие пальцы, шлем, туго, до боли сжимавший щеки и подбородок, и эти огромные, всегда тесные ботинки, в которых она двигалась, словно горилла.

– Выпьешь ты наконец свое молоко? – снова поторопил отец.

Аличе отпила совсем немного. Горячее молоко обожгло язык, потом пищевод и желудок.

– Ну что ж, сегодня станет ясно, что ты собой представляешь, – заявил отец.

«А что я собой представляю?» – задумалась она.

Потом он выставил ее на улицу, упакованную, точно мумию, в зеленый лыжный костюм, сверкающий спонсорскими лейблами. На улице было градусов десять мороза, а вместо солнца в туманной дымке, застилавшей все вокруг, виднелся только какой-то диск чуть темнее снега.

Она шла с лыжами на плече, глубоко проваливаясь в снег, и чувствовала, как урчит молоко в желудке. «Лыжи ты должна носить сама. И только когда станешь хорошей лыжницей, кто-то будет делать это за тебя…»

– Поверни лыжи другим концом, а то еще убьешь кого-нибудь, – приказал отец.

В конце сезона Лыжный клуб дарил ей фирменный значок с выпуклыми звездочками. Каждый год на одну звездочку больше: три серебряные звезды, а потом еще три золотые – ровно столько накопилось с тех пор, когда ей, четырехлетней, хотя и рослой, помогли забраться в кресло подъемника; к девяти годам она уже забиралась в кресло сама. Каждый год новый значок – дабы понимала, что добилась некоторых успехов и что близятся соревнования,

одна только мысль о которых приводила ее в ужас.

Аличе думала об этом еще с того времени, когда звездочек у нее было всего три.

Обычно все собирались у подъемника ровно в восемь тридцать, к открытию спортивного комплекса. Ее заспанные товарищи по группе уже были там. Воткнув лыжные палки в снег, они опирались на них подмышками, безвольно свесив руки, отчего походили на пугала. Разговаривать никому не хотелось, а уж Аличе так меньше всех.

Отец пару раз довольно крепко прихлопнул ее по шлему, будто хотел вогнать в снег.

– Отталкивайся лучше. И помни: будешь спускаться – корпус вперед, поняла? Кор-пус впе-ред! – повторил он.

«Корпус вперед», – эхом отозвалось в голове Аличе.

Отец отошел, согревая дыханием сомкнутые ладони. Шагнул еще раз-другой, и туман проглотил его. Ему хорошо – он вернется сейчас в домашнее тепло читать свою газету.

Аличе со злостью швырнула лыжи на землю. Увидел бы это отец – при всех устроил бы ей скандал.

Прежде чем вставить ботинки в крепления, она постучала палкой по подошвам, сбивая налипший снег. И тут же ощутила позыв. Он просигналил острой болью, словно игла вонзилась в живот. Сегодня ей тоже не утерпеть, это ясно.

Каждое утро происходило одно и то же. После завтрака Аличе запиралась в туалетной комнате и тужилась, тужилась изо всех сил, чтобы выпустить из себя всю мочу без остатка. Долго сидела на унитазе, мучительно напрягая живот. От чрезмерного усилия что-то стреляло у нее в голове и казалось, глаза вот-вот вылезут из орбит, словно мякоть из сдавленной виноградинки. Она пускала из крана сильную струю воды, чтобы отец ничего не слышал, и, напрягаясь, сжимая кулаки, старалась выдавить из себя последнюю каплю.

И сидела так, пока отец не начинал стучать в дверь:

– Так что же, синьорина, ты закончила, наконец, или сегодня мы опять опоздаем?

Но все это не помогало. Уже наверху, на горе, она опять ощущала такой сильный позыв, что, сняв лыжи, приседала где-нибудь в стороне на снег, притворяясь, будто завязывает шнурки на ботинках. Подгребая к ним немного снега и не раздвигая ног, она облегчалась прямо в штаны. При этом все смотрели на нее, и Эрик, тренер, замечал:

– Как всегда, ждем Аличе.

Какое же это облегчение, думала она всякий раз, когда приятное тепло растекалось по холодным ногам.

«Было бы облегчением, будь я тут одна и никто не пялился бы на меня…

Рано или поздно заметят…

Рано или поздно на снегу останется желтое пятно…

Все начнут смеяться надо мной…»

Кто-то из родителей подошел к Эрику и поинтересовался: может, из-за тумана не стоит сегодня подниматься наверх? Аличе с надеждой прислушалась, но Эрик изобразил свою лучшую улыбку.

– Туман только здесь, – ответил он, – а на вершине такое солнце, что камни плавятся. Смелее, все наверх.

В кресле подъемника Аличе оказалась в паре с Джулианой, дочерью отцовского сослуживца. По дороге они молчали. Вообще-то они спокойно относились друг к другу – без особой симпатии, но и без неприязни. У них не было ничего общего, кроме желания находиться в этот момент совсем в другом месте.

Шум ветра, сдувавшего снег с вершины Фрайтеве, сливался с ритмичным металлическим гудением стального троса, на котором висело кресло. Девочки прятали подбородок в воротник, чтобы согреться дыханием.

«Это от холода, это не позыв», – уговаривала себя Аличе.

Но чем ближе они были к вершине, тем глубже вонзалась в живот эта игла. Более того, возникло еще одно ощущение. Наверное, нужно в туалет и по другим делам.

Нет, просто холодно. Это не позыв, она ведь только что пописала.

Прогорклое молоко отрыжкой выплеснулась из желудка в горло. Аличе с отвращением сглотнула. Позыв становился нестерпимым, до смерти нестерпимым. А до горнолыжной базы оставались еще две станции. «Мне не выдержать столько», – подумала она.

Джулиана подняла страховочную перекладину, и они обе наклонились немного вперед. Когда лыжи коснулись земли, Аличе оттолкнулась от сиденья.

Видимость была всего метра два – какое там солнце, от которого камни плавятся. Кругом одна белизна: наверху, внизу, по сторонам – белое, и только белое. Как будто тебя с головой закутали в простыню. Полная противоположность мраку, но все равно страшно.

Аличе сошла с лыжни и поискала поблизости сугроб, где бы присесть. В животе заурчало, как при включении посудомоечной машины. Оглядевшись, она не увидела Джулианы – значит, и та не видит ее. На всякий случай она еще на несколько метров поднялась по склону – «елочкой», как требовал отец, когда ему пришло в голову обучить ее горнолыжному мастерству. Вверх и вниз по детской лыжне, тридцать – сорок раз в день. Наверх по лестнице, а вниз – как снегоуборочная машина. Покупать скипас[1 - Skipass – абонемент для пользования подъемником. – Здесь и далее примеч. пер.] – напрасная трата денег, считал тогда отец, к тому же ходьба по лестнице полезна для ног.

Аличе отстегнула крепления и прошла немного вперед, по щиколотку утопая в снегу.

Наконец она присела…

Вздохнула и расслабилась…

По всему телу словно пронесся электрический разряд и ушел в кончики пальцев…

Наверное, это все из-за молока… Конечно, из-за него! А может, и оттого, что попа замерзла от сидения в снегу на высоте более двух тысяч метров. Так или иначе, но такого с ней еще никогда не бывало, во всяком случае она не припомнит. Никогда, ни разу…

Не утерпела…

Намочила штаны…

Мало того – январским утром, ровно в девять часов, еще и сделала под себя…

И даже не заметила, как это произошло…

И пребывала бы в неведении, пока не услышала, как Эрик зовет ее откуда-то из тумана.

Она быстро поднялась и только тут почувствовала тяжесть в штанах. Невольно потрогала брюки сзади, но варежка слишком толстая… Впрочем, и так все было ясно.

«И что же мне теперь делать?» – задумалась она.

Эрик позвал снова. Аличе не ответила.

Пока она здесь, ее скрывает туман.

Она может спустить брюки и как следует вымыться снегом…

Или может спуститься к Эрику и шепнуть ему на ухо, что случилось…

Или может сказать, что у нее заболело колено и ей нужно вернуться домой…

А еще может наплевать на все и двигаться дальше как ни в чем не бывало – только надо держаться последней.

Но она никуда не двинулась – так и стояла, укрытая туманом, боясь шевельнуть хотя бы мускулом.

Эрик в третий раз позвал ее. Громче.

– Наверное, эта ненормальная уже у подъемника, – ответил вместо нее какой-то мальчишка.

Аличе услышала, как зашумели все остальные. Кто-то предложил идти и не ждать ее, кто-то сказал, что замерзает, стоя на месте. Скорее всего, они были где-то рядом, в нескольких метрах, или уже подходили к подъемнику. В горах звуки обманчивы – отдаются эхом, гаснут в снегу.

– Черт бы ее побрал… – ругнулся Эрик. – Идемте посмотрим.

Аличе медленно сосчитала до десяти, пытаясь сдержать рвоту, которую вызывала сползавшая по ногам жижа. Досчитав до десяти, она начала заново и дошла до двадцати.

Больше ни звука не слышалось.

Она подняла лыжи и направилась к месту спуска. Пришлось немного поразмышлять, как поточнее держаться перпендикулярно склону. В таком тумане вообще не поймешь, куда двигаться.

Потом Аличе вставила ботинки в лыжи и застегнула крепления. Сняла и подышала на них, потому что они запотели. Она и сама способна спуститься в долину. И пусть себе Эрик ищет ее сколько угодно на вершине Фрайтеве. Ни секунды больше ей не хотелось оставаться в этих испачканных колготках!

Аличе представила маршрут. Прежде ей еще не приходилось спускаться одной, но ее группа наверняка уже у подъемника, а так, вместе с другими, она съезжала по этой лыжне десятки раз.

Спуск она начала осторожнее, чем всегда, используя прием «торможение плугом». Ноги при этом приходилось ставить широко, и ей казалось, будто она не так уж и испачкана. Как раз накануне Эрик сказал: «Увижу, что делаешь торможением плугом, – клянусь, свяжу тебе пятки!»

Она не нравилась Эрику, сомневаться не приходилось. Эрик считал ее трусихой и в общем-то не зря – на деле так оно и было. И ему не нравился ее отец – каждый раз после занятий тот доставал его бесконечными вопросами: «Так как дела у нашей Аличе?.. Так значит, делаем успехи?.. Так значит, она у нас будущий чемпион?.. Так когда начнутся эти соревнования?.. Так как же это, а как же то…» Эрик всегда смотрел в одну точку за спиной отца и односложно отвечал либо «да», либо «нет» либо долго вздыхал и произносил «эх!».

Аличе живо представила эту сцену. Глядя в затуманенные очки, она едва различала кончики лыж. Только когда под ногами оказывался нетронутый снег, она догадывалась, что нужно повернуть.

Чтобы не чувствовать себя совсем одиноко, она принялась мурлыкать какую-то песенку и время от времени утирала варежкой сопли под носом.

«Корпус вперед, ставь палку и поворачивай. Теперь корпус вперед, понятно? Корпус вперед», – всегда подсказывали и Эрик, и отец.

Отец, это уж точно, крепко разозлится – просто озвереет. И ей нужно что-то придумать. Какую-нибудь правдоподобную историю, к которой нельзя будет придраться. Она и не подумает сказать ему, что произошло на самом деле. Туман – вот причина, почему она отстала, – во всем виноват туман. Допустим, она шла вслед за всеми по основной лыжне, как вдруг у нее с куртки слетел скипас…

Нет, это не годится. Не бывало еще такого, чтобы у кого-то слетал скипас. Нужно и в самом деле быть полным идиотом, чтобы потерять его. Пусть это будет шарф. С шеи у нее слетел шарф, и она вернулась за ним, а остальные не стали ее ждать. Она звала их сто раз, но напрасно. Все они словно растворились

в тумане, и тогда она отправилась вниз искать их.

«А почему же ты не вернулась наверх?» – спросит отец.

И в самом деле, почему? Нет, пожалуй все же лучше потерять скипас. Не вернулась, потому что без скипаса контролер на подъемнике не пустил бы ее.

Аличе улыбнулась, довольная выдумкой. Безупречная история! Ей даже показалось, будто она не так уж и испачкалась. По ногам уже ничего не стекало.

Наверное, замерзло, подумала Аличе.

Теперь она весь день проведет у телевизора. Примет душ, наденет чистое белье и сунет ноги в свои меховые шлепанцы…

Она бы и просидела в тепле весь остаток дня, если бы оторвала глаза от лыжни и взглянула хоть на мгновение вперед – этого хватило бы, чтобы увидеть оранжевую ленту с надписью «ЛЫЖНЯ ЗАКРЫТА».

А ведь отец учил ее – всегда смотри, куда едешь. Если бы только она вспомнила, что на свежевыпавшем снегу корпус не следует наклонять вперед, если бы Эрик еще накануне получше отрегулировал ее крепления, а отец не настаивал бы, что не стоит слишком затягивать их, потому что Аличе весит всего двадцать восемь килограммов…

Полет был не такой уж длинный.

Несколько метров.

Ровно столько и нужно, чтобы успеть ощутить пустоту в желудке, ничего не почувствовать под ногами и оказаться носом в снегу.

А лыжи как ни в чем не бывало воткнулись в сугроб, запросто расправившись с ее берцовой костью.

Она не почувствовала никакой боли. Почти ничего не ощутила, по правде говоря. Только снег, попавший под шлем и шарф, слегка обжигал кожу.

Сначала она пошевелила руками. В детстве, когда она просыпалась и за окном шел снег, отец закутывал ее и выносил на улицу. Они выходили на середину двора, брались за руки и на счет «Раз, два, три!» вместе падали навзничь. Отец говорил ей: «А теперь сделай ангела!» Аличе разводила руки вверх и вниз, а когда поднималась и смотрела на оставшийся на белом снегу след, казалось, это и в самом деле тень ангела с распростертыми крыльями.

Сейчас Аличе тоже «сделала ангела» – просто так, без всякой причины, разве для того только, чтобы убедиться, что еще жива. Она сумела повернуть голову и вздохнула поглубже, хотя ей и показалось при этом, что воздух не проник в легкие. И появилось странное ощущение, будто она не знает, как управлять своими ногами. Очень странное ощущение, словно их вообще больше нет – ног.

Попытка привстать не удалась. Не будь тумана, кто-нибудь увидел бы ее оттуда, сверху. Зеленое пятно, лежащее на дне рва, в двух шагах от того места, где весной опять потечет горная речка и с первыми теплыми днями появится земляника. Если набраться терпения, ягоды сделаются сладкими, как карамелька, и настанет день, когда можно будет собрать их целую корзинку.

Аличе позвала на помощь, но ее тихий голос поглотил туман. Потом она снова попробовала подняться, хотя бы повернуться, но не смогла. Отец говорил, что те, кто погибает от холода, за минуту до смерти чувствуют сильнейший жар и начинают раздеваться. Поэтому людей, замерзших в горах, всегда находят в одних трусах. А у нее штаны грязные к тому же.

Начали коченеть пальцы. Она сняла варежку, подышала в нее и сунула туда кулак, чтобы согреться. Потом погрела так же другую руку. И несколько раз повторила эту нелепую процедуру.

Замерзают прежде всего конечности, не раз объяснял ей отец. Пальцы ног и рук, нос, уши. Сердце изо всех сил заботится о себе и оставляет замерзать все остальное.

Аличе представила, как синеют ее пальцы, а потом постепенно замерзают руки и ноги. Подумала о сердце, которое все сильнее качает кровь и старается сохранить остававшееся тепло для себя. Она сделается такой хрупкой, что если рядом окажется волк и всего лишь наступит лапой на ее руку, рука тут же переломится.

Меня ищут…

Кто знает, есть ли тут волки?..

Не чувствую больше пальцев…

Если бы не пила молока…

Корпус вперед…

Волки зимой впадают в спячку…

Эрик взбесится…

Не хочу участвовать в этих соревнованиях…

Не пори чушь, ты прекрасно знаешь, что волки не впадают в спячку…

Постепенно ее мысли становились все путанее, все туманнее. Солнце медленно зашло за гору Шабертон, притворившись, будто ничего не случилось. Тень от горы накрыла Аличе, и туман стал совсем черным.

Закон Архимеда

(1984)

2

Когда близнецы были еще маленькими и Микела вытворяла какую-нибудь из своих глупостей – например, спускалась в ходунках вниз по лестнице или

засовывала в ноздрю горошину, после чего приходилось везти ее в травмпункт, где горошину извлекали каким-то особым пинцетом, – отец всегда обращался к Маттиа, тот первым появился на свет, и пояснял, что мамин живот, очевидно, оказался слишком мал для обоих.

– Кто знает, как вы там чудили, в животе, – говорил он. – Думаю, ты сильно пинался и что-то здорово повредил у твоей сестры. – И смеялся, хотя ничего смешного в этом не было.

Он брал Микелу на руки и щекотал ее нежные щечки своей бородой.

Маттиа смотрел снизу вверх. И тоже смеялся, невольно запоминая слова отца, хотя и не понимал их до конца. Каким-то странным образом эти слова оседали в его желудке густым и вязким слоем, вроде осадка на дне слишком долго хранившейся бутылки вина.

Смех отца сменился натянутой улыбкой, когда выяснилось, что в два с половиной года Микела не может произнести ни одного слова, даже «мама», «кака», «баю-бай» или «гав». Бессвязные звуки, которые она издавала, исходили, казалось, из такого далекого и пустынного пространства, что отец всякий раз вздрагивал.

Когда Микеле было пять с половиной лет, женщина логопед в толстых очках положила перед ней планшет, в котором были вырезаны четыре фигуры – звезда, круг, квадрат и треугольник, а рядом рассыпала горстку таких же фигурок, которые нужно было вставить в подходящие отверстия.

Микела с удивлением смотрела на все это.

– Куда нужно положить звезду, Микела? – спросила логопед.

Микела все так же смотрела на стол, но не притронулась ни к одной фигурке.

Доктор вложила ей в руку звезду.

– Куда нужно поместить вот это, Микела?

Микела рассеянно блуждала взглядом по сторонам, ни на чем не задерживаясь. Потом она сунула в рот кончик звезды и принялась грызть.

Логопед отвела ее руку ото рта и повторила вопрос в третий раз.

– Микела, черт возьми, да сделай же, наконец, что велят! – не выдержал отец; он уже не мог сидеть спокойно там, где ему указали.

– Синьор Балоссино, прошу вас, – примирительно сказала женщина. – Детям всегда нужно время, чтобы подумать.

Микеле понадобилось много времени. Целая минута. Затем она испустила мучительный вопль, который мог означать и радость, и отчаяние – поди пойми, и решительно положила звезду в квадрат.

Если бы Маттиа сам не понял, что с его сестрой что-то не так, то ему помогли бы заметить это одноклассники, например Симона Вольтера. Когда учительница, сказала: «Симона, этот месяц будешь сидеть за партой вместе с Микелой», та возмутилась и, скрестив руки на груди, заявила:

– Я не хочу сидеть рядом с этой.

Маттиа подождал немного, пока Симона препиралась с учительницей, а потом сказал:

– Я могу сесть рядом с Микелой.

Все, похоже, облегченно вздохнули: «эта», Симона и учительница. Все, кроме Маттиа.

Парта стояла в первом ряду. Микела все уроки возилась с раскрасками. Она усердно игнорировала границы и малевала какими попало цветами. Кожа у детей получалась синяя, небо красное, а все деревья – желтые. Карандашом она действовала как молотком для отбивания мяса – так колотила им по бумаге, что рвала ее на куски.

Маттиа в это время учился читать и писать. Он выучил четыре арифметических действия и оказался первым в классе, кто освоил деление столбиком. Его голова была великолепно устроена в отличие от совершенно пустой головы его сестры.

Иногда Микела начинала метаться за партой, сильно размахивая руками, отчего походила на бабочку в сачке. Глаза у девочки темнели, и учительница с испугом (но и с надеждой) смотрела на нее – а вдруг она и в самом деле улетит? Кто-то на задних партах начинал смеяться, кто-то шикал на них. Тогда Маттиа вставал, поднимал сестру со стула и держал, чтобы она не упала, а Микела вовсю мотала головой и так быстро махала руками, что ему казалось, они вот-вот оторвутся.

Маттиа ловил руки сестры и терпеливо прижимал их ладонями к ее груди.

– Ну вот, больше у тебя нет крыльев, – шептал он ей на ухо.

После этого Микеле требовалось еще некоторое время, чтобы успокоиться. Несколько секунд она неотрывно смотрела на что-то невидимое другим, после чего снова бралась за карандаш как ни в чем не бывало.

Маттиа, опустив голову, садился на свое место, он весь горел от смущения, а учительница продолжала урок.

Микела и Маттиа учились уже в третьем классе, но еще никто из ребят ни разу не пригласил их на свой день рождения. Заметив это, мать решила помочь делу – устроить празднество по случаю рождения близнецов. Но за обедом синьор Балоссино решительно отверг эту идею, сказав, к огорчению Аделе, что все это и так тягостно. Маттиа с облегчением вздохнул, а Микела в десятый раз уронила вилку. Больше этот вопрос не обсуждался.

Но вот однажды январским утром Риккардо Пелотти, рыжий, с толстыми, как у бабуина, губами, подошел к их парте.

– Послушай, моя мама сказала, что ты можешь прийти ко мне на день рождения, – выпалил он одним духом, обращаясь к Маттиа. – И она тоже, – добавил он, кивнув на Микелу, которая старательно разглаживала ладонью поверхность парты, словно простыню.

Маттиа вспыхнул от волнения и ответил «спасибо», но Риккардо, выполнив трудное поручение, уже ушел.

Аделе тоже разволновалась и повела близнецов в «Бенеттон» покупать им новую одежду. После «Бенеттона» они обошли три магазина игрушек, но всякий раз Аделе сомневалась в выборе подарка.

– А что любит Риккардо? Это ему понравится? – спрашивала она Маттиа, взвешивая в руке коробку с полутора тысячью пазлов.

– Откуда я знаю! – отвечал сын.

– Он же твой друг, в конце концов. И ты наверняка знаешь, какие игры он любит.

Маттиа подумал, что Риккардо вовсе не его друг, но объяснить это маме невозможно, поэтому в ответ он только пожал плечами.

Наконец Аделе остановила свой выбор на конструкторе «Лего» «Космический корабль» – это была самая большая и дорогая коробка в отделе.

– Мама, это слишком, – возразил сын.

– Да ладно. И потом вы же вдвоем пойдете. Не хотите же вы жалко выглядеть!

Маттиа хорошо понимал, что с «Лего» или без него – они все равно будут выглядеть жалко. С Микелой не приходится ожидать ничего другого. Сестра ни на минуту не оставит его в покое, прольет на себя весь лимонад, а потом начнет ныть, как ноет всегда, когда устает. Риккардо пригласил их только потому, что его заставили это сделать.

Впервые Маттиа подумал, что лучше бы остаться дома.

Более того, он подумал: «Лучше бы Микела осталась дома».

– Мама, – неуверенно заговорил он.

Аделе искала в сумке кошелек.

– Да?

Маттиа вдохнул поглубже.

– А Микеле обязательно идти на этот праздник?

Аделе замерла от неожиданности и уставилась на сына.

Кассирша равнодушно наблюдала за ними, держа руку на клавише в ожидании денег.

Микела тем временем перевернула вверх дном всю стойку с пакетиками карамели.

– Конечно, она обязательно должна пойти, – ответила мать, и вопрос был решен.

К Риккардо они могли отправиться одни, потому что его дом находился всего в десяти минутах ходьбы. Ровно в три часа Аделе выставила близнецов за дверь.

– Идите, а то опоздаете. И не забудьте поблагодарить его родителей, – напомнила она.

Потом она обратилась к Маттиа:

– Присмотри за сестрой. Ты ведь знаешь, что всякую гадость она есть не может.

Маттиа кивнул. Аделе поцеловала обоих в щеку. Микелу подольше. Поправила обруч у нее на голове и сказала:

– Развлекайтесь.

Пока они шли к Риккардо, мысли Маттиа текли под ритмичное шуршание «Лего» – детальки перекатывались в коробке, словно прибой, ударяясь то об одну стенку, то о другую. Микела брела далеко позади, спотыкаясь и еле волоча ноги

по мокрым, опавшим листьям на асфальте. Погода была безветренная и холодная.

«Рассыплет на пол все чипсы из тарелки, – подумал Маттиа. – Возьмет мяч и не отдаст никому…»

– Ты можешь поторопиться?! – обернулся он к сестре, которая вдруг присела на корточки посреди тротуара и принялась терзать какого-то червяка.

Микела посмотрела на брата так, словно давно не видела, потом поднялась и побежала к нему, сжимая червяка двумя пальцами. На лице ее играла улыбка.

– Какая гадость! Брось! – приказал Маттиа, отшатнувшись.

Микела перевела взгляд на червяка – казалось, она удивилась, откуда он взялся у нее в руке. Разжав пальцы, она выпустила его и вперевалку поспешила за братом, который ушел далеко вперед.

«Возьмет мяч и ни за что не отдаст никому, как в школе», – подумал Маттиа. Он оглянулся на сестру и впервые испытал настоящую ненависть. Точно такие же глаза, как у него, точно такой же нос, такого же цвета волосы – и пустая голова…

Он взял ее за руку, чтобы перейти улицу, потому что машины тут ездили быстро. И в тот момент, когда они переходили дорогу, ему пришла в голову одна мысль.

Он отпустил руку сестры в шерстяной варежке и подумал, что этого делать нельзя.

Но когда шли мимо парка, он опять передумал и убедил себя, что этого никто никогда не обнаружит. Вокруг никого не было – ни одного прохожего, они оказались одни.

Он резко повернул и, взяв Микелу за руку, повел ее в парк. Трава на лугу была влажная, Микела семенила за ним, пачкая свои новенькие – белые, под замшу – сапожки в грязи.

В парке тоже не было ни души. Кому охота прогуливаться здесь в такой холод? Маттиа прошел дальше, к деревьям, где стояли деревянные столы и гриль для барбекю. Когда они учились в первом классе, учительница водила их сюда по утрам на прогулку. Именно тут они останавливались позавтракать, а потом собирали сухие листья, из которых составляли ужасные букеты в подарок бабушкам и дедушкам для украшения стола в Рождество.

– Мики, послушай меня хорошенько, – сказал Маттиа. – Ты слушаешь меня?

С Микелой всегда следовало убедиться, что ее узкий коммуникационный канал открыт. Маттиа подождал, пока сестра кивнет.

– Хорошо. Так вот, мне сейчас нужно уйти, ненадолго, хорошо? Ненадолго, всего на полчасика, – объяснил он.

Не было никакого смысла говорить правду, потому что для Микелы что полчаса, что целый день – никакой разницы. Доктор объясняла, что пространственно-временное восприятие его сестры остановилось на досознательной стадии развития. Маттиа прекрасно знал, что она имела в виду.

– Сидишь тут и ждешь меня, – велел он Микеле.

Та серьезно и молча смотрела на брата – молча, потому что не умела говорить. Поняла она его или нет – неизвестно, но на какой-то момент глаза ее вспыхнули, и Маттиа потом вспоминал, будто в глазах этих застыл страх.

Он отступил от сестры на несколько шагов – ему важно было проследить, не пойдет ли она за ним. «Только раки так пятятся, – отругала его однажды мать, – и всегда на что-нибудь натыкаются!»

Вот уже между ними метров пятнадцать, не меньше, и Микела больше не смотрит на него, целиком поглощенная пуговицей на своем шерстяном пальто, которую старалась оторвать.

Маттиа повернулся и побежал, сжимая в руке пакет с подарком. В коробке стучали друг о друга пластмассовые детальки – казалось, они хотели что-то сказать ему.

– Чао, Маттиа, – встретила его мама Риккардо, открывая дверь. – А сестренка?

– У нее поднялась температура, – солгал Маттиа. – Немного.

– Ах, как жаль, – кивнула синьора, но не похоже было, что она хоть сколько-нибудь огорчена. Посторонившись, она пропустила его. – Рикки, твой друг пришел. Иди поздоровайся!

Риккардо Пелотти появился, лихо проехавшись по паркету; выражение лица у него было все такое же неприятное. Остановившись, он взглянул на Маттиа и поискал глазами недоразвитую. Обнаружив, что ее нет, он облегченно вздохнул и произнес «чао».

Маттиа поднял сумку с подарком к самому носу его мамы.

– Куда это деть? – спросил он.

– Что это? – осторожно поинтересовался Риккардо.

– «Лего».

– А…

Риккардо схватил пакет и исчез в коридоре.

– Иди за ним, – подтолкнула Маттиа синьора Пелотти. – Праздник там.

Гостиная была разукрашена гирляндами и шариками. На столе, покрытом красной бумажной скатертью, стояли тарелки с попкорном и чипсами, в центре – большое блюдо с пиццей, разрезанной на квадраты, и множество еще не открытых бутылок с газированными напитками разных цветов.

Одноклассники Маттиа группками теснились вблизи стола. Маттиа направился было к ним, но потом остановился, сообразив, что никто не обратил на него внимания.

Когда подошли еще гости, какой-то молодой человек лет двадцати с красным пластиковым шариком на носу и в пестрой клоунской шапке заставил их играть в «слепую муху и ослиный хвост». Это такая игра, когда тебе завязывают глаза и ты должен ухватить ослиный хвост, нарисованный на листе бумаги. Маттиа взял приз – пригоршню карамелек, но только потому, что все видел из-под повязки. Все загудели: «У-у-у… Обманщик…», – а он, краснея от смущения, совал карамельки в карман.

Позднее, когда за окном уже стемнело, парень, одетый клоуном, выключил свет, усадил всех в кружок и принялся рассказывать страшную историю. При этом он держал у себя под подбородком включенный электрический фонарь. Маттиа подумал, что история нисколько не страшная, а вот освещенное таким образом лицо действительно пугало. От света, падавшего снизу, оно казалось неестественно белым и покрывалось глубокими тенями. Чтобы не видеть этого лица, Маттиа посмотрел за окно и вспомнил о Микеле.

Вообще-то он и не забывал о ней все это время, но только теперь представил, как она сидит там, под деревом, одна и ждет его, ежась от холода и потирая рукавичками щеки.

Поднялся он как раз в тот момент, когда мама Риккардо внесла в темную комнату торт с зажженными свечами. Все дружно захлопали в ладоши – то ли страшной истории, то ли торту.

– Мне нужно идти, – сказал Маттиа, не дождавшись даже, пока торт поставят на стол.

– Прямо сейчас? Но у нас еще торт…

Мама Риккардо смотрела на него поверх свечей. Ее лицо, освещенное снизу, тоже искажали уродливые тени. Гости умолкли.

– Хорошо, – неуверенно произнесла она. – Рикки, проводи своего друга.

– Но я ведь должен погасить свечи! – рассердился виновник торжества.

– Делай, что тебе говорят, – приказала мать, не отрывая взгляда от Маттиа. – Ну и зануда же ты, Маттиа!

Кто-то засмеялся. Маттиа прошел за Риккардо в коридор, вытащил из кучи одежды свою куртку и сказал имениннику «спасибо». Тот ничего не ответил, закрыл за ним дверь и поспешил вернуться к своему торту.

Во дворе Маттиа обернулся и посмотрел на освещенные окна. Оттуда доносились приглушенные голоса, похожие на успокаивающее бормотание телевизора в гостиной, когда вечером мама отправляла его и Микелу спать. Калитка, звонко щелкнув замком, закрылась у него за спиной, и он пустился бежать.

Маттиа вошел в парк, но даже при свете уличных фонарей не мог различить дорожку, покрытую гравием. Голые ветви деревьев там, где он оставил Микелу, казались темными царапинами на черном небе. Посмотрев в ту сторону издали, Маттиа вдруг отчетливо понял, что сестры там нет.

Он остановился недалеко от скамейки, где еще несколько часов назад сидела Микела, усердно портившая свое пальто. На всякий случай он даже сдержал дыхание, прислушиваясь и будто ожидая, что сестра вот-вот появится из-за дерева, крикнув «ку-ку!».

Потом он позвал Микелу и испугался собственного голоса.

Снова позвал, потише.

Подошел к столам и коснулся того места, где она сидела.

Скамейка была холодной, как и все вокруг.

Наверное, ей надоело, и она пошла домой, подумал Маттиа.

Но ведь она даже не знает дороги…

И не может сама перейти улицу…

Маттиа огляделся. Парк терялся во мраке, и, где он кончается, представить было трудно. Идти дальше страшновато, но другого выхода нет…

Он шел на цыпочках, стараясь не шуршать листьями, шел и осматривался по сторонам в надежде увидеть Микелу. Он все еще надеялся, что она прячется где-нибудь за деревом, подкарауливая какого-нибудь скарабея или бог весть что еще.

Впереди проступили черные силуэты аттракционов. Он постарался припомнить, какого же цвета был тот круг, на котором требовалось удержаться, пока он крутится, в тот день, когда мама, уступая воплям Микелы, позволила ей дважды прокатиться на нем, хоть забава была и не по ее силам.

За аттракционами тянулась ограда общественного туалета, но он не отважился зайти туда.

Маттиа шел по тропинке, которая в этой части парка была совсем узкой – ее протоптали семьи, приходившие сюда отдыхать. Он шел уже минут десять, пока не понял, что заблудился. Тогда он заплакал и закашлялся одновременно.

– Ты просто дура, Микки, – тихо произнес он. – Глупая недоразвитая дура. Мама тысячу раз объясняла тебе, что, если потеряешься, нужно оставаться там, где стоишь… Но ты никогда ничего не понимаешь… Ничего!

Он поднялся по небольшому склону и оказался у реки, протекавшей по парку. Отец часто упоминал ее название, но Маттиа так и не запомнил. Вода отражала неизвестно откуда падавший свет, и этот свет мягко преломлялся сквозь слезы в его глазах.

Маттиа спустился к воде и почувствовал, что Микела должна быть где-то рядом. Она всегда любила воду. Мама часто рассказывала, что, когда они вместе купались малышами, Микки визжала как сумасшедшая, не желая вылезать из ванны, даже когда вода совсем остывала.

Однажды отец привел их на берег – наверное, как раз сюда – и стал учить бросать камешки: так, чтобы они подпрыгивали на поверхности. Пока он объяснял, как нужно двигать рукой, как придать камешку вращение, Микела по пояс вошла в воду. Отец едва успел ухватить ее за рукав. В сердцах он влепил

ей пощечину – Микела заплакала, и потом все трое вернулись домой с вытянутыми физиономиями.

В сознании Маттиа словно электрический разряд вспыхнула картинка: присев на корточки, Микела играет прутиком со своим отражением, стирая его, а потом она валится в воду, как мешок картошки.

Он опустился на землю, почувствовав усталость. Сам не зная зачем, он обернулся и увидел мрак, который будет царить здесь еще очень долго. Вода была черной и блестящей. Он снова постарался припомнить, как называется река, но и теперь не смог. В холодной земле – странно, но она была мягкой – нашелся осколок бутылки: свидетельство чьей-то развеселой вечеринки. Когда он первый раз вонзил его себе в руку, боли не было – наверное, он ее не заметил. Потом он стал полосовать руку, нажимая все сильнее и сильнее и не отрывая глаз от воды. Он ждал, что вот-вот на поверхности появится Микела, и задавался вопросом, почему одни вещи плавают, а другие тонут.

На коже и под ней

(1991)

3

Огромная белая ваза из керамики с витиеватым цветочным рисунком и позолотой, всегда стоявшая в углу ванной, принадлежала вот уже пяти поколениям семьи делла Рокка, но никому не нравилась. Аличе не раз порывалась швырнуть ее наземь и выбросить крохотные бесценные осколки в мусорный бак напротив виллы вместе с упаковками «тетра пак» от пюре, прокладками, не ее, конечно, и пустыми упаковками от отцовского транквилизатора. Проведя по вазе пальцем, Аличе подумала, до чего же она холодная, гладкая и чистая. Соледад, горничная родом из Эквадора, с годами стала убирать все лучше, потому что в доме делла Рокка принято было следить за мелочами. Когда она впервые появилась у них, Аличе исполнилось всего

шесть лет, и она с недоверием разглядывала незнакомку, прячась за мамину юбку. Наклонившись к ней, Соледад в свою очередь с удивлением смотрела на девочку.

– Какие у тебя красивые волосы. Можно потрогать? – спросила она, и Аличе прикусила язык, чтобы не сказать «нет».

Соледад приподняла каштановую прядку, похожую на кусочек шелка, и опустила. Она не могла поверить, что волосы могут быть такими тонкими.

Надевая майку, Аличе задержала дыхание и зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела свое отражение в большом зеркале над умывальником и испытала приятное разочарование. Потом она оттянула резинку трусиков и завернула край так, чтобы, прикрывая шрам, резинка натянулась между бедренными косточками. Указательный палец тут еще не пролезал, а мизинец мог, и она жутко обрадовалась этому. Вот сюда, именно сюда и нужно посадить, подумала она.

Синюю розочку, как у Виолы.

Аличе повернулась боком – правым, лучшим, как она привыкла думать, зачесала все волосы на лицо и решила, что в таком виде похожа на сумасшедшую. Потом стянула волосы в узел – конским хвостом, который подняла повыше, на самое темя, – именно так причесывалась Виола, которой все всегда восхищались.

Но и это не помогло.

Она распустила волосы по плечам и привычным жестом заложила их за уши. Затем оперлась на раковину и придвинулась к зеркалу. Ее глаза там, за стеклом, слились в один страшный циклопический глаз.

Аличе подышала на стекло, и туман закрыл часть ее лица. Ей никак не удавалось понять секрет этих взглядов, которыми Виола и ее подруги сражали наповал всех мальчишек вокруг. Безжалостные и призывные, они могли уничтожить или помиловать – всё решало едва уловимое движение бровей.

Она попробовала посмотреть на свое отражение таким же манящим взглядом, но увидела в зеркале неловкую и нескладную девицу, которая глупо жеманничала, двигаясь, словно под наркозом.

Аличе не сомневалась, что все дело в ее щеках, слишком пухлых и розовых. Глаза тонули в них, а ей хотелось метать острые стрелы в мальчишек, как это делают другие девочки. Ей хотелось, чтобы ее взгляд никого не щадил, чтобы запоминался надолго…

Однако худели у нее только живот, попа и груди, а щеки оставались прежними – круглыми и пухлыми, как у ребенка.

В дверь постучали.

– Али, ужин на столе, – донесся из-за матового стекла ненавистный голос отца.

Аличе не ответила. Она втянула щеки, желая посмотреть, насколько лучше выглядела бы, не будь они такими пухлыми.

– Али, ты здесь? – опять позвал отец.

Вытянув губы трубочкой, Аличе поцеловала свое отражение. Язык коснулся холодного стекла. Она закрыла глаза и как при настоящем поцелуе покачала головой, но слишком ритмично и потому неправдоподобно. Такого поцелуя, какого действительно ждала, она еще не получала ни от кого.

Давиде Поирино оказался первым, кто поработал языком у нее во рту, еще в седьмом классе, на спор. Он трижды, словно инструментом, обвел по часовой стрелке ее язык своим, а потом повернулся к приятелям и спросил:

– О'кей?

Те заржали и кто-то сказал:

– Ты же хромую поцеловал…

Но Аличе все равно осталась довольна и не нашла ничего плохого в том, что отдала свой первый поцелуй Давиде.

Потом были другие парни. Целовалась, например, с двоюродным братом Вальтером, когда отмечали день рождения бабушки, и с каким-то приятелем Давиде, чьего имени даже не знала, – тот тихонько спросил, не позволит ли она и ему попробовать. Они простояли несколько минут в самом дальнем углу на школьном дворе, прижавшись губами друг к другу, и не осмелились даже шевельнуться. Когда закончили целоваться, парень сказал «спасибо» и удалился с гордо поднятой головой пружинистым шагом взрослого человека.

Теперь, однако, она отставала от подружек. Они говорили о позициях, о засосах, о том, как действовать пальцами и спорили, лучше с резинкой или без. Она же все еще хранила на губах ощущение холодного, детского поцелуя в седьмом классе.

– Али, ты слышишь меня? – громче позвал отец.

– Вот зануда. Конечно, слышу! – сердито ответила Аличе, но так тихо, что он вряд ли расслышал.

– Ужин готов, – повторил отец.

– Да поняла я, черт побери! – вскипела Аличе. Потом негромко добавила: – Надоеда.

Соледад знала, что Аличе выбрасывает еду. Поначалу, замечая, что та оставляет ее на тарелке, она говорила:

– Доешь, мой ангелочек, ведь у меня на родине дети умирают от голода.

Аличе это не нравилось. Однажды вечером, здорово разозлившись, она посмотрела ей прямо в глаза и выпалила:

– Даже если я начну наедаться до колик в животе, дети в твоей стране все равно не перестанут умирать от голода!

С тех пор Соледад ничего ей не говорила, но все меньше клала еды на тарелку. Впрочем, это ничего не меняло. Аличе умела на глаз определять вес продуктов и точно отмерять свои триста калорий на ужин. От остального избавлялась по-всякому. Ела она, положив правую руку на бумажную салфетку. Перед тарелкой ставила стакан с водой и фужер для вина, даже просила наполнить его, но не пила – выстраивала таким образом стеклянную баррикаду. У нее все было стратегически просчитано – где поставить солонку и где флакон с оливковым маслом. Оставалось дождаться, пока родители отвлекутся, и сдвинуть остатки еды с тарелки на салфетку. По крайней мере три такие салфетки за ужином она упрятывала в карман, а потом, когда чистила зубы, выбрасывала их в унитаз. Ей нравилось смотреть, как еда крутится в водовороте спускаемой воды. Довольная, она поглаживала себя по животу, пустому и чистому, как ваза в ванной.

– Черт возьми, Соледад, ты опять положила в соус сливки, – упрекнула мать горничную. – Сколько раз тебе повторять, что я не перевариваю их. – Мать Аличе с отвращением отодвинула от себя тарелку.

Аличе явилась к столу с тюрбаном из полотенца на голове, будто принимала душ, а не просто так торчала в ванной. Она долго думала, спросить отца или нет. Впрочем, она ведь все равно настоит на своем. Уж очень хочется.

– Я хотела бы сделать себе татуировку, – сказала она.

Отец задержал в руке стакан, который подносил ко рту.

– Я что-то не понимаю…

– Ты понял, – сказала Аличе, дерзко глядя на него. – Я хочу сделать себе татуировку.

Отец провел салфеткой по губам и по глазам, словно хотел стереть представившуюся ему неприятную картину. Потом, аккуратно свернув салфетку, он положил ее на колени и потянулся за приборами – ему хотелось выразительно продемонстрировать свое умение держать себя в руках.

– Не понимаю, как подобное могло прийти тебе в голову, – произнес он.

– И какой же, позволь узнать, ты хотела бы рисунок? – вмешалась мать с раздражением, которое, скорее, вызвал соус, нежели слова дочери.

– Розу. Небольшую. Как у Виолы.

– Скажи на милость, а кто такая эта Виола? – спросил отец с подчеркнутой иронией.

Дырявя взглядом пустую середину стола, Аличе почувствовала, что она здесь никто.

– Виола – это ее школьная подруга, – недовольно ответила мать. – Она говорила тебе о ней сто раз. Сразу видно, что у тебя с головой не все в порядке.

Адвокат делла Рокка смерил жену высокомерным взглядом, давая понять, что ее не спрашивают.

– Простите, но мне совершенно нет дела до того, что рисуют на себе школьные подруги Аличе, – заключил он. – В любом случае ты не сделаешь себе никакой татуировки.

Аличе сдвинула на салфетку еще немного спагетти.

– Все равно не запретишь, – осмелела она, по-прежнему глядя в центр стола. Голос ее, однако, звучал не совсем уверенно.

– Ну-ка повтори! – произнес отец ровным и негромким голосом. – По-вто-ри! – медленно отчеканил он.

– Я сказала, что все равно не запретишь, – произнесла Аличе, подняв глаза на отца, но и секунды не выдержала его пристального, леденящего взгляда.

– Ты и в самом деле так думаешь? Насколько мне известно, тебе пятнадцать лет, и это обязывает тебя выполнять требования родителей – подсчитать нетрудно – еще три года. По окончании этого срока можешь, скажем так, украшать свою кожу цветами, черепами и чем угодно еще.

Адвокат делла Рокка улыбнулся тарелке и отправил в рот аккуратно накрученные на вилку спагетти.

Наступило долгое молчание. Аличе водила пальцами по краю скатерти. Ее мать покусывала хлебную палочку и рассеянно смотрела по сторонам. Отец притворялся, будто ест с большим удовольствием. Он энергично двигал челюстями, и каждый раз, отправив в рот очередную порцию, закрывал от наслаждения глаза.

Аличе решила ударить посильнее – потому что она по-настоящему ненавидела его, потому что от одной только этой его манеры есть у нее начинала неметь даже здоровая нога.

– Тебя наплевать, что я никому не нравлюсь, – сказала она. – Что никогда никому не понравлюсь.

Отец вопросительно взглянул на нее и снова вернулся к еде, как будто никто тут и слова не произнес.

– Тебе наплевать, что ты навсегда искалечил меня, – продолжала Аличе.

Вилка застыла на полпути ко рту. Несколько секунд адвокат делла Рокка с недоумением смотрел на дочь.

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – сказал он чуть дрогнувшим голосом.

– Нет, ты отлично понимаешь, – ответила Аличе. – И прекрасно знаешь – только ты виноват в том, что я на всю жизнь осталась калекой.

Отец положил вилку на край тарелки. Прикрыл глаза рукой, словно глубоко задумался о чем-то. Потом поднялся и вышел из комнаты. Его тяжелые шаги громко отзвучали по блестевшему мрамору в коридоре.

– Ох, Аличе… – покачала головой Фернанда, в ее голосе не слышалось ни сочувствия, ни упрека. Она поднялась и ушла вслед за отцом в другую комнату.

Аличе сидела минуты две, уставившись в свою тарелку, пока Соледад убирала со стола, беззвучная, как тень. Потом сунула в карман салфетку с едой и ушла в ванную комнату.

4

Пьетро Балоссино давно уже прекратил всякие попытки проникнуть в непонятный мир своего сына. Когда его взгляд случайно падал на исполосованные шрамами руки Маттиа, он думал о бессонных ночах, наполненных поисками – не остались ли где-нибудь режущие предметы, об Аделе, которая, наглотавшись таблеток, спала на диване с открытым ртом – она не желала больше делить с ним постель; он думал о будущем, которое, казалось, наступит уже утром, и отсчитывал часы до него по ударам колокола вдали. Убеждение, что однажды на рассвете он найдет своего сына уткнувшимся в подушку, залитую кровью, так глубоко засело в его голове, что он с трудом мог рассуждать здраво даже теперь, когда такой опасности не стало и сын сидел рядом с ним в машине.

Он вез его в новую школу. Моросил дождь, такой мелкий, что и не слышно было.

Несколько недель назад директор научного лицея «Е. М.» пригласила его с Аделе в свой кабинет, чтобы объяснить ситуацию, как она написала в дневнике Маттиа. Когда они пришли, она начала издалека, долго рассуждая о ранимом характере мальчика, его необыкновенных способностях и неизменно высокой оценке по всем предметам.

Синьор Баллосино настоял, чтобы сын присутствовал при этом разговоре, – хотелось соблюсти корректность по отношению к нему. Маттиа сидел рядом с родителями, уставившись в колени и ни разу не подняв взгляд. Он так сжимал кулаки, что умудрился расцарапать до крови левую ладонь. Два дня назад Аделе по рассеянности постригла ему ногти только на одной руке.

Маттиа все слышал, что говорила директор, но пропускал ее слова мимо ушей, словно она говорила не о нем. Он вспоминал, как в пятом классе учительница Рита, после того как он почти неделю упрямо молчал, посадила его на середину класса, велев остальным расположиться вокруг, и сообщила им, что Маттиа,

видимо, беспокоит какая-то неприятность, о которой он не хочет никому говорить. Она добавила, что Маттиа очень умный мальчик, даже слишком умный для своего возраста, и предложила товарищам поговорить с ним – пусть попросят его поделиться своими тревогами, чтобы он понял – у него есть друзья. Маттиа изучал свои ботинки и, когда учительница спросила, хочет ли он сказать что-нибудь, наконец заговорил – спросил, может ли он вернуться на свое место.

Завершив с похвалами, директор подошла к главному – синьор Балоссино понял, что это главное, не сразу, а лишь спустя несколько часов. Заключалось же оно в том, что все преподаватели Маттиа «говорят о какой-то особой неловкости, о странном, необъяснимом чувстве собственной неполноценности, возникающем при общении с этим необыкновенно одаренным ребенком, который, похоже, не нуждается ни в каких контактах со сверстниками».

Директор помолчала, откинулась на спинку удобного кресла и открыла какую-то тетрадку, но читать не стала и тут же закрыла ее, словно вспомнив вдруг, что у нее в кабинете сидят люди. Хорошо продуманными фразами она высказала супругам Балоссино мысль о том, что лицей «Е. М.», возможно, не в полной мере отвечает уровню развития их сына.

Когда за ужином отец спросил Маттиа, действительно ли он хочет сменить школу, тот лишь пожал плечами и продолжал рассматривать яркий неоновый отблеск на ноже, которым предстояло резать мясо.

– Дождь не косой, – произнес Маттиа, глядя в окно машины и отрывая отца от его мыслей.

– Что? – переспросил Пьетро.

– На улице нет ветра. Иначе шевелились бы листья на деревьях, – продолжил Маттиа.

Пьетро постарался понять, к чему он клонит. Вообще-то ему было все равно, он полагал, это какое-то очередное чудачество сына.

– Ну и что?

– Капли стекают по стеклу косо, но лишь потому, что машина движется. Определив угол их отклонения от вертикали, можно вычислить скорость движения.

Маттиа очертил пальцем траекторию капли. Наклонился к стеклу, подышал на него и провел линию на запотевшем стекле.

– Не дыши, потом остаются пятна, – упрекнул отец.

Маттиа словно не слышал.

– Если бы мы не видели, что происходит за окнами машины, и не знали бы, что движемся, то не могли бы понять, почему капли стекают по наклонной – по своей ли вине или по нашей, – произнес Маттиа.

– О какой вине ты говоришь? – с некоторым раздражением спросил отец, растерявшись.

– Я о том, почему они стекают по наклонной.

Балоссино кивнул с серьезным видом, так ничего и не поняв.

Они приехали. Пьетро не выключил двигатель и поставил машину на ручной тормоз. Маттиа открыл дверцу, и порыв свежего воздуха ворвался внутрь.

– Приеду за тобой в час, – сказал Пьетро.

Маттиа кивнул. Пьетро потянулся было к нему, чтобы поцеловать, но помешал ремень безопасности. Он снова откинулся на спинку и посмотрел на сына – тот вышел из машины и закрыл дверцу.

Новая школа находилась в красивом престижном районе на холме. Здание, возведенное еще в двадцатые годы, несмотря не недавнюю перестройку, сильно мозолило глаза среди роскошных вилл – длинная бетонная коробка с четырьмя одинаковыми рядами окон и двумя зелеными противопожарными лестницами.

Маттиа поднялся к входу, неподалеку от которого мокла под дождем в ожидании звонка группка ребят. В школе он поискал, не желая никого расспрашивать, схему расположения помещений, нашел нужное и направился к последней двери в коридоре на втором этаже. Переступив порог класса, он глубоко вздохнул, ухватился за ремни своего рюкзака, висевшего за спиной, прошел к дальней стене и остановился возле нее с видом человека, которому очень хотелось бы в эту стену въехать.

Рассаживаясь по местам, ребята с любопытством посматривали на него. Никто не улыбнулся. Некоторые перешептывались – Маттиа догадывался, что говорят о нем. Свободных парт оставалось все меньше, и, когда кто-то сел возле девушки с длинными красными ногтями, он почувствовал облегчение.

В класс вошла учительница, и Маттиа проскользнул на последнее свободное место у окна.

– Новичок? – спросил его сосед по парте, которому, видимо, здесь тоже было неуютно.

Маттиа кивнул, не глядя.

– Денис, – представился тот, протягивая руку.

Маттиа вяло пожал ее и произнес:

– Очень приятно.

– Добро пожаловать, – сказал Денис.

5

Виола Баи восхищала всех подруг, но они и побаивались ее. Она была поразительно хороша собой, даже неловкость какую-то вызывала ее красота. А кроме того, в свои пятнадцать лет она знала жизнь намного лучше своих сверстниц – или во всяком случае создавалось такое впечатление.

По понедельникам девочки собирались на перемене вокруг ее парты и с волнением слушали отчет о том, как она провела выходные. Чаще всего это было умелое переложение того, чем накануне делилась с ней сестра Серена, на восемь лет старше. Виола проецировала рассказы Серены на себя, обогащая их пикантными подробностями, которые, как правило, придумывала на ходу, но именно они представлялись подругам самыми волнительными.

Она рассказывала о разных местах, где никогда не бывала, в деталях описывала ощущения от приема галлюциногенов и не забывала упомянуть о лукавой улыбке бармена, с какой он взглянул на нее, наливая коктейль «Куба либре». После этого она чаще всего оказывалась с ним либо в постели, либо в кладовке среди упаковок пива или ящиков водки, где он брал ее сзади, зажимая ей рот, чтобы не кричала.

Своими рассказами Виола Баи умела произвести впечатление. Она понимала, что секрет кроется в точности и яркости деталей, и умела так рассчитать время, что звонок раздавался именно в ту минуту, когда бармену не удавалось справиться с молнией на своих фирменных джинсах. Взволнованная публика медленно расходилась, раскрасневшись от зависти и возмущения, и, конечно, настаивала, чтобы Виола продолжила рассказ на следующей перемене. Но она была слишком умна, чтобы поддаваться на уговоры. Криво усмехнувшись своими красивыми губами, она оставляла историю неоконченной, как бы говоря, что случившееся – сущие пустяки. Просто еще одна подробность из ее необыкновенной жизни, а на самом деле она уже давно ушла от всего этого на миллион световых лет.

Секс она и в самом деле уже изведала и даже попробовала наркотики, названия которых с удовольствием перечисляла. Сексом, правда, занималась всего один раз. Это произошло у моря с приятелем ее сестры, которая в тот вечер слишком много курила и пила – где уж ей помнить о тринадцатилетней соплюшке, которой еще рано заниматься такими делами.

Он трахнул ее быстро, прямо на улице, за мусорным баком. Когда, понурив головы, они возвращались к компании, Виола взяла его за руку.

– Ты чего? – спросил он, высвобождая руку.

У нее пылали щеки, и все еще чувствовался жар в промежности. Она вдруг ощутила себя такой одинокой…

Потом этот парень ни разу даже не заговорил с ней, и Виола призналась во всем сестре. Но та лишь посмеялась над ее наивностью и сказала:

– Надо быть похитрее. А ты чего ожидала?

Публику, восхищавшуюся Виолой, составляли Джада Саварино, Федерика Маццольди и Джулия Миранди. Все вместе – крепкая и безжалостная команда – «сволочная четверка», как называли их некоторые ребята в школе. Виола сама подбирала подруг и от каждой требовала жертву, потому что ее дружбу еще надо было заслужить. Только она решала, кому войти в ее свиту, и решения эти часто оказывались жесткими, если не сказать жестокими.

Аличе тайком наблюдала за Виолой. Со своей парты, двумя рядами дальше, она жадно ловила обрывки фраз и отрывки ее рассказов. А вечером, оставшись у себя в комнате, с волнением припоминала их.

До той среды Виола никогда не заговаривала с ней, и вдруг…

Это оказалось чем-то вроде обряда посвящения, проведенного по всем правилам. Никто из девочек не знал точно, действовала ли Виола спонтанно или заранее продумала эту пытку. Но все дружно нашли ее совершенно гениальной.

Аличе терпеть не могла раздевалку. Ее одноклассницы, такие красавицы, старались подольше ходить здесь полуголыми – в трусах и лифчике – на зависть друг дружке. Они принимали разные позы, по большей части неестественные, втягивали живот и выставляли груди. Вертелись перед полуразбитым зеркалом во всю стену. Сравнивали ширину бедер и прочие параметры – все без исключения идеальных размеров и необыкновенно соблазнительные.

По средам, чтобы не переодеваться в раздевалке, Аличе приходила в школу в спортивных брюках, надетых под джинсы, – девчонки смотрели на нее с подозрением, пытаясь представить, какое под ними скрывается уродство.

Майку она снимала отвернувшись, чтобы никто не видел ее живота.

Надев гимнастические тапочки, Аличе ровно поставила туфли у стены и аккуратно сложила джинсы. Она одна так поступала – одежда ее одноклассниц

валялась как попало на деревянных скамейках, а обувь они раскидывали по всему полу.

– Аличе, ты любишь сладкое? – обратилась к ней Виола.

Аличе понадобилось несколько секунд, чтобы понять: Виола Баи обращается именно к ней. Она была убеждена, что первая красавица класса в упор ее не замечает.

Она только что затянула шнурки на тапочках, но узел почему-то развязался.

– Я? – переспросила Аличе, оглядываясь в растерянности.

– Здесь нет других Аличе, мне кажется, – ответила Виола.

Девчонки хихикнули.

– Да нет, я не сладкоежка…

Виола поднялась со скамейки и подошла ближе. Аличе увидела, как она смотрит на нее своими красивыми глазами, слегка прикрытыми челкой.

– Но карамельки ты ведь любишь, не так ли? – настаивала Виола.

– Ну… В общем… Не то чтобы очень…

Аличе закусила губу, пожалев, что ответила так глупо и неуверенно. Прижимаясь спиной к стене, она почувствовала, как здоровую ногу свела судорога, другая, как всегда, осталась деревянной.

– Как это «не то чтобы очень»? Карамельки все любят. Верно, девочки? – обратилась Виола к подругам, не оборачиваясь.

– Все-е… – эхом отозвались они.

Краем глаза Аличе уловила странное волнение во взгляде Федерики Маццольди, смотревшей на нее с другого конца раздевалки.

– Да, в самом деле люблю, – поправилась она.

Ей почему-то стало страшно.

В первом классе эта «сволочная четверка» схватила Алессандру Мирано, ту, которая потом провалилась на экзаменах и пошла учиться на косметичку, и затащила ее в мальчишескую раздевалку. Девочку заперли там, и перед ней разделись двое ребят. Аличе слышала в коридоре, как они подкалывали ее и как до упаду хохотали палачи.

– Конечно. Я и не сомневалась. А сейчас хочешь конфетку? – спросила Виола.

Аличе задумалась.

«Отвечу „да”, кто знает, что заставят есть. Отвечу „нет”, Виола разозлится, и меня тоже затолкают в раздевалку к мальчишкам…»

Она молчала, как дурочка.

– Ну что же ты? Не такой уж трудный вопрос, – рассмеялась Виола и достала из кармана горсть фруктовой карамели.

– Эй вы там, какие хотите? – спросила она девочек.

К Виоле подошла Джулия Миранди и заглянула ей в руку. Сама Виола продолжала пристально смотреть на Аличе, и под ее взглядом та почувствовала, как ее всю корежит, словно газетный лист, пылающий в камине.

– Тут апельсиновые, малиновые, черничные, клубничные и персиковые, – сказала Джулия и мельком – так, чтобы не заметила Виола, – взглянула на Аличе. В ее взгляде читался испуг.

– Мне малиновую, – сказала Федерика.

– А мне персиковую, – попросила Джада.

Джулия кинула им конфеты и развернула свою, апельсиновую. Положив ее в рот, она отступила, как бы предоставляя сцену Виоле.

– Остались черничная и клубничная. Ну так что, хочешь или нет?

«Может, просто даст конфету, и все, – подумала Аличе. – Хочет, наверное, только посмотреть, съем ли. В конце концов, это всего лишь карамелька…»

– Клубничную, – тихо произнесла она.

– Надо же, я тоже люблю клубничную, – ответила Виола с притворным огорчением. – Но я охотно отдам ее тебе.

Она развернула карамельку и уронила обертку. Аличе потянулась – хотела было поднять.

– Подожди минутку, – остановила Виола, – не спеши.

Она наклонилась и, держа липкую конфету двумя пальцами, потерла ею грязный пол раздевалки. Потом, как мелком, прочертила линию вдоль стены до угла, где скопилось много мусора, пыли и волос.

Джада и Федерика захохотали.

Джулия нервно покусывала губу.

Все остальные девочки, почувствовав, что дело принимает скверный оборот, поспешили покинуть раздевалку.

Виола подошла к умывальнику, где после занятий гимнастикой девочки мыли лицо и подмышки, и собрала конфетой серую слизь со стенок раковины.

– Вот, – сказала она, сунув конфету Аличе под нос. – Клубничная, какую хотела.

При этом она не смеялась. У нее было серьезное и решительное лицо человека, который совершает что-то неприятное, но необходимое.

Аличе покачала головой, как бы говоря «нет», и еще сильнее вжалась в стену.

– То есть как? Ты расхотела? – удивилась Виола.

– Нет уж, – вмешалась Федерика, – просила, вот и ешь теперь.

Аличе сглотнула слюну.

– А если не съем? – отважилась она спросить.

– Не съешь, будут последствия, – загадочно ответила Виола.

– Какие последствия?

– Последствия тебе знать не дано. Никогда не узнаешь.

«Отведут к мальчишкам, – подумала Аличе. – Или разденут, отнимут одежду и не отдадут…»

Еле заметно дрожа всем телом, она протянула руку.

Виола уронила грязную конфету ей на ладонь.

Аличе медленно поднесла конфету ко рту.

Девочки притихли, гадая, станет она есть или нет.

Виола оставалась невозмутимой.

Аличе положила липкую карамель на язык и ощутила языком налипшие на нее волосы. На зубах что-то скрипнуло.

«Нужно сдержать рвоту, – подумала она. – Сдержать рвоту!»

Подавив выплеснувшийся изнутри кислый желудочный сок, она проглотила карамель…

Почувствовала, как та камнем спускается по пищеводу…

Неоновая лампа на потолке слегка гудела…

Со спортплощадки доносился гомон – голоса мальчишек, возгласы, смех…

В раздевалке воздуха всегда не хватает – окна здесь, в полуподвале, небольшие, и потому так трудно дышать…

Виола серьезно посмотрела на Аличе и кивнула, как бы говоря: ну вот теперь можно разойтись. Она повернулась и первая вышла из раздевалки, не удостоив взглядом притихших подруг.

6

Было нечто важное, что следовало знать о Денисе. По правде говоря, он и сам думал, что на самом деле только это и нужно знать, и потому никогда никому ничего не говорил. Его секрет носил ужасное название, которое трепыхалось, словно нейлоновое полотнище, над всеми его мыслями, стесняя дыхание. Прочно засев в голове, оно давило на сознание, как проклятие, с которым рано или поздно придется считаться.

Ему исполнилось десять лет, когда преподаватель музыки провел его руку по всей гамме до мажор, положив на нее свою горячую ладонь, – и у Дениса перехватило дыхание. Он слегка наклонился вперед, стараясь прикрыть неожиданно поднявшийся в брюках пенис. Всю свою жизнь потом он будет вспоминать об этой минуте, как о мгновении настоящей любви, на ощупь выискивая в каждом тайнике своего существа цепкий жар того прикосновения.

Всякий раз, когда подобные картины захватывали его настолько, что шея и руки покрывались потом, он запирался в туалете и отчаянно мастурбировал, сидя на унитазе. Наслаждение, кругами исходившее от пениса, длилось всего мгновение. Чувство вины, напротив, обрушивалось на него, словно ушат грязной воды. Оно проникало под кожу, оседало где-то внутри, и тогда все в нем начинало медленно гнить – так протечки постепенно подтачивают стены старых домов.

На уроке биологии, в лаборатории, находившейся в полуподвале, Денис смотрел, как Маттиа режет кусок мяса, собираясь отделить белые прожилки от красных. Ему хотелось ласково коснуться его рук. Хотелось понять, не растает ли, подобно сливочному маслу, захватившее все его существо желание от одного только прикосновения к товарищу, в которого влюблен.

Они сидели рядом, опираясь локтями о стол. Шеренга конических колб, реторт и прозрачных пробирок отделяла их от остальной части класса. Преломляя свет, она искажала все, что находилось по ту сторону.

Маттиа сосредоточился на работе и вот уже четверть часа не отрывался от нее. Он не любил биологию, но выполнял задание с тем же усердием, с каким занимался всеми другими дисциплинами. Органическая материя, столь легко разрушаемая и такая несовершенная, представлялась ему непостижимой. Животный запах, исходивший от куска сырого мяса, не вызывал у него ничего, кроме легкого раздражения. С помощью пинцета он извлек из него тонкую белую прожилку и положил на предметное стекло микроскопа; посмотрев в окуляр, поправил фокус; записал в тетрадь наблюдения и зарисовал увеличенную картинку – его действия были уверенными и точными.

Денис глубоко вздохнул, потом, словно перед прыжком в воду, собрался с духом и заговорил.

– Матти, у тебя есть какой-нибудь секрет? – спросил он.

Маттиа, казалось, не слышал Дениса, только нож, которым он резал другой кусок мяса, выпал у него из рук и тихо звякнул на металлической столешнице. Он не спеша подобрал его.

Денис подождал. Маттиа сидел недвижно и держал нож над самым куском.

– Мне ты можешь доверить свой секрет, – продолжал Денис. Теперь, когда первый шаг был уже сделан, он не намерен был отступать. Лицо его пылало от волнения. – Знаешь, у меня тоже есть секрет, – добавил он.

Маттиа точным ударом рассек мясо пополам, словно хотел расправиться с чем-то уже мертвым.

– У меня нет никаких секретов, – тихо произнес он.

– Если расскажешь о своем, открою тебе мой, – настаивал Денис.

Он придвинулся вместе со стулом к Маттиа, и тот явно напрягся, хотя лицо его ничего не выражало, он по-прежнему смотрел на кусок мяса.

– Нужно заканчивать опыт, – сказал Маттиа ровным голосом. – Иначе не заполним таблицу.

– Мне наплевать на таблицу, – возразил Денис. – Скажи, что ты сделал со своим руками?

Маттиа сосчитал до трех. В воздухе витал запах этилового спирта, мельчайшие молекулы его попадали в ноздри. Маттиа чувствовал, как приятно они щекочут слизистую, проникая даже в глаза.

– Ты в самом деле хочешь знать, что я сделал с руками? – спросил он, поворачиваясь к Денису, но глядя не на него, а на баночки с формалином за его спиной – на десятки баночек с зародышами и конечностями разных животных.

Денис кивнул, задрожав от волнения.

– Тогда смотри, – ответил Маттиа.

Он зажал нож в кулаке и всадил его между указательным и средним пальцами, а потом прорезал всю ладонь до самого запястья.

7

В четверг Виола поджидала Аличе у школы. Когда та, опустив голову, уже собиралась пройти во двор, она окликнула ее.

Аличе вздрогнула, сразу же вспомнив о карамели. От приступа тошноты закружилась голова. Если эта четверка бралась за кого-то, то уж точно не оставляла больше в покое.

– Математичка собирается меня сегодня спросить, – сказала Виола. – А я ничего не знаю и не хочу идти в школу.

Аличе смотрела на нее, не понимая. Виола вроде бы не проявляла никакой враждебности, но девочка все же опасалась ее и хотела поскорее уйти.

– Пойдем прогуляемся, – предложила Виола. – Вдвоем. Ну да – мы с тобой.

Аличе в испуге оглянулась.

– Идем, скорее, – поторопила Виола. – Нельзя, чтобы нас видели здесь, у школы.

– Но… – хотела возразить Аличе.

Виола потянула ее за рукав, и Аличе, прихрамывая, поспешила за ней к автобусной остановке.

Они сели рядом, Аличе прижалась к окну, желая оставить Виоле побольше места. Ее не покидало ощущение, что вот-вот произойдет что-то ужасное.

Виола, напротив, сияла. Она извлекла из сумочки помаду и накрасила губы. Потом спросила:

– Хочешь?

Аличе покачала головой. Школа исчезала у них за спиной.

– Отец убьет меня, – прошептала она. У нее дрожали ноги.

Виола вздохнула:

– Да брось! Покажи дневник.

Рассмотрев подпись отца Аличе, она сказала:

– Простая… могу расписаться за него. – Открыв свой дневник, она показала подписи, которые подделывала всякий раз, когда пропускала школу. – Тем более завтра на первом уроке у нас Фоллини, а она слепая, ничего не заметит.

Виола заговорила о школе, о том, что ей нет никакого дела до математики, потому что дальше она будет изучать право. Аличе с трудом слушала ее. Она думала о том, что произошло накануне в раздевалке, и не могла понять, чем вызвана такая неожиданная откровенность.

Они вышли на площади и отправились гулять под портиками. Виола затащила ее в магазин готовой одежды со сверкающими витринами, куда Аличе никогда и ногой не ступала. Она держалась с ней, как с закадычной подругой. Настояв на примерке платьев, сама выбирала их для Аличе. Спросила, какой у нее размер, и Аличе со стыдом призналась – тридцать восьмой[2 - Соответствует российскому сорок шестому.].

Продавщицы с подозрением посматривали на них, но Виола не обращала внимания. Они вместе примеряли одежду в одной кабинке, и Аличе незаметно сравнивала фигуры – свою и Виолы.

Разумеется, они ничего не купили.

Потом девочки зашли в бар, и Виола заказала два кофе, даже не спросив Аличе, что она хочет.

Ошеломленная, Аличе плохо понимала, что происходит. Постепенно она забыла и про отца, и про школу, испытав вдруг какое-то новое для нее ощущение счастья. Еще бы – сидеть в баре с самой Виолой Баи, и все это время, похоже, принадлежит только им двоим!

Виола выкурила две сигареты и настояла, чтобы попробовала и Аличе. Она смеялась, показывая свои идеальные зубы, всякий раз, когда новая подруга по неопытности начинала кашлять после затяжки. А потом устроила ей небольшой допрос о парнях, которых у Аличе сроду не было, и о поцелуях, которыми ее никто не награждал. Аличе отвечала, опустив глаза.

– И ты хочешь, чтобы я поверила, будто у тебя никогда не было парня? Никогда, никогда, никогда?

Аличе кивнула.

– Быть не может. Вот трагедия! – преувеличила Виола. – Непременно нужно что-то сделать. Не хочешь же ты умереть девственницей!

На другой день во время большой перемены они отправились по школе искать для Аличе парня. От Джады и других девочек Виола отделалась просто:

– У нас дела.

Те оторопели, увидев, как она выходит из класса, ведя за руку свою новую подругу.

Виола уже все продумала. Это произойдет на ее дне рождения, в субботу. Нужно только найти подходящего парня. Прохаживаясь по коридору, она указывала Аличе то на одного, то на другого и отпускала комментарии:

– Взгляни-ка на его задницу. Впечатляет? Уж он-то точно знает свое дело!

Аличе нервничала, хотя и заставляла себя улыбаться. С пугающей отчетливостью она вдруг представила, как какой-то парень лезет к ней под майку. И что он там обнаружит? Дряблую кожу и складки жира?

Теперь они стояли у окна на втором этаже и смотрели во двор на мальчишек, гонявших большой желтый и, похоже, сдутый мяч.

– А Триверо? – спросила Виола.

– Кто это?

– Как, ты не знаешь? Из десятого «А». Он занимался академической греблей вместе с моей сестрой. О нем говорят много интересного.

– И что же?

Виола жестом изобразила некую длину и расхохоталась, довольная тем, какое обескураживающее впечатление произвел ее намек. Аличе залилась краской и в то же время обрадовалась волнующему ощущению, что ее одиночеству, кажется, подходит конец.

Они спустились на первый этаж и прошли мимо автоматов с бутербродами и напитками, возле которых толпились школяры, позвякивая мелочью в карманах джинсов.

– Короче, тебе нужно решиться, – сказала Виола.

Аличе в растерянности осмотрелась.

– Вон тот, мне кажется, очень славный, – ответила она, указывая на двоих в стороне у окна. Они стояли рядом, но не разговаривали и не смотрели друг на друга.

– Который? – спросила Виола. – С перевязанной рукой или другой?

– С перевязанной рукой.

Блестящие глаза Виолы распахнулись, став как два океана.

– Ты с ума сошла, – сказала она. – Знаешь, что он сотворил?

Аличе покачала головой.

– Он всадил себе нож в руку, нарочно. Здесь, в школе.

Аличе пожала плечами.

– Мне кажется, это интересно.

– Интересно? Да он психопат! Свяжись с таким – и окажешься расчлененной в каком-нибудь морозильнике.

Аличе улыбнулась, продолжая смотреть на парня с перевязанной рукой. Он стоял, опустив голову, и было в нем что-то такое, отчего ей захотелось подойти к нему, приподнять эту голову за подбородок и сказать: «Посмотри на меня. Я пришла».

– Ты уверена? – спросила Виола.

– Да, – ответила Аличе.

Виола пожала плечами.

– Тогда идем.

Она взяла подругу за руку и потянула к ребятам, стоявшим у окна.

8

Маттиа смотрел в окно. Солнечный день обещал весну в начале марта. Сильный ветер, очистивший за ночь небосклон, казалось, гнал прочь и время, подстегивая его. Пересчитывая крыши, видневшиеся вдали, Маттиа старался понять, насколько удалены они от горизонта. Денис стоял рядом и незаметно наблюдал за ним, пытаясь угадать его мысли. Они не говорили о том, что произошло в лаборатории. Они вообще мало разговаривали, но все время проводили вместе; каждый сосредоточенно думал о своей проблеме, но даже этим они поддерживали друг друга без лишних слов.

– Чао! – услышал Маттиа приветствие, произнесенное едва ли над ухом.

Увидев в окне отражение двух девушек, стоявших у него за спиной и державшихся за руки, он обернулся. Денис вопросительно посмотрел на него. Девушки, казалось, чего-то ждали.

– Чао, – тихо ответил Маттиа и опустил голову, желая уклониться от колючего взгляда одной из них.

– Я – Виола, а это Аличе, – продолжала как раз эта девушка. – Мы из седьмого «Б».

Маттиа кивнул. Денис открыл от удивления рот. Оба молчали.

– Ну? – продолжала Виола. – А вы не представитесь?

Маттиа тихо, словно припоминая, назвал свое имя.

Неторопливо протянул незабинтованную руку, и Виола крепко пожала ее.

Другая девушка лишь едва коснулась его ладони и улыбнулась, глядя куда-то в сторону.

Денис представился столь же неловко.

– Хотим пригласить вас на мой день рождения, он будет через две недели, – сказала Виола.

Денис попытался заглянуть в глаза Маттиа, а тот, глядя на робкую улыбку Аличе, подумал, что губы у нее такие бледные и тонкие, будто их прорезали острым скальпелем.

– Почему? – спросил он.

Виола покосилась на него и выразительно взглянула на Аличе, как бы подтверждая: «Ну что я тебе говорила – он же сумасшедший!»

– Что значит «почему»? Это же ясно – потому что мы так хотим.

– Нет, спасибо, – ответил Маттиа. – Я не могу прийти.

Денис облегченно вздохнул и поспешил добавить:

– Я тем более.

Виола не стала с ним спорить и обратилась к парню с перевязанной рукой.

– Значит, нет? Интересно, чем же ты так занят в субботу вечером? – с вызовом поинтересовалась она. – Будешь сидеть за компом со своим дружком? Или надумал еще раз порезать себе вены?

Выпалив это, Виола слегка испугалась. Аличе сжала ей руку, давая понять, что нужно остановиться.

Маттиа подумал, что забыл количество крыш и до звонка не успеет пересчитать их заново.

– Я не люблю праздники, – объяснил он.

Виола постаралась рассмеяться, но смех получился какой-то короткий и писклявый: «Хи-хи-хи…»

– Ну и странный же ты тип, – нашлась она. – Праздники все любят. – Осмелев, она даже повертела пальцем у виска. Аличе отпустила ее ладонь и невольно прижала руки к животу.

– Я не люблю праздники, – строго повторил Маттиа. Виола с вызовом посмотрела на него, но он невозмутимо выдержал ее взгляд. Аличе отступила.

Виола хотела было ответить, но тут прозвенел звонок. Маттиа повернулся и решительно зашагал к лестнице, как бы говоря, что для него дискуссия окончена. Денис, как привязанный, поплелся за ним.

За все время, что Соледад Гальенас служила горничной в семье делла Рокка, она допустила лишь одну оплошность. Это произошло четыре года назад, дождливым вечером, когда хозяева ужинали у друзей.

В шкафу у Соледад висела только траурная одежда, и нижнее белье тоже было черное. Она столько раз вспоминала о смерти мужа в результате несчастного случая на работе, что иногда и сама начинала верить в случившееся. Она представляла, как он стоит на лесах, в двадцати метрах над землей, с сигаретой в зубах, как выравнивает цементный раствор для нового ряда кирпичей. Как вдруг спотыкается об оставленный кем-то инструмент или, может, о моток веревки – той самой, которой должен был обвязать себя, но которую презрительно отбросил в сторону, потому что страховка – это для слабаков. Она видела, как он зашатался на деревянном настиле и полетел вниз, не издав ни единого звука. Далее кадр расширялся – черный, машущий руками силуэт человека на фоне светлого неба. Завершалось ее искусственное воспоминание панорамой сверху: распластавшееся на пыльной стройплощадке тело мужа – бездыханное, расплющенное, глаза пока еще открыты, и темное пятно крови, выползающее из-под спины.

Зрелище это вызывало приятное пощипывание где-то между носом и горлом и если немного затягивалось, то ей удавалось выжать несколько слезинок, но уже из жалости к самой себе.

А на самом деле ее муж просто ушел. Ушел однажды утром – наверное, для того, чтобы начать новую жизнь с той, которую она и не видела никогда. Больше Соледад о муже не слышала. А приехав в Италию, придумала историю о том, как стала вдовой, – надо же что-то рассказать о своем прошлом, ведь о настоящем прошлом сказать было нечего.

Траур и мысль о том, что люди могут заметить в ее глазах следы трагедии, безутешного горя, придавали ей уверенность. Она с достоинством носила этот траур и до того вечера никогда не предавала память покойного мужа.

По субботам она ходила на шестичасовую мессу, чтобы вернуться к ужину. Эрнесто уже несколько недель ухаживал за ней. После службы он поджидал ее на ступенях у входа в церковь и церемонно предлагал проводить домой. Соледад в своей черной одежде поначалу не решалась принять предложение, но

потом все же согласилась.

Он рассказывал ей о том времени, когда работал на почте, и о том, как трудно в его годы коротать в одиночестве долгие вечера, сводить счеты с призраками, которых накопилось предостаточно. Эрнесто был старше Соледад, и жену у него отнял настоящий, а не придуманный рак поджелудочной железы.

В тот вечер они шли под руку, держась почти вплотную друг к другу. Эрнесто предложил ей зонт и намочил голову и пальто, желая получше укрыть ее. Он сыпал комплиментами по поводу ее итальянского языка, который от недели к неделе становился все лучше. Соледад смеялась, притворяясь, будто смущена.

А получилось это из-за какой-то легкой заминки или замешательства – вместо обычного поцелуя в щеку они поцеловали друг друга в губы, у дома делла Рокка, у самых дверей. Эрнесто извинился, а потом снова наклонился к ее губами, и Соледад ощутила, как вся пыль, скопившаяся в ее сердце за многие годы, взметнулась вихрем и затмила ей весь свет.

Она сама пригласила его в дом. Пусть Эрнесто посидит тихонько пару часов в ее комнате, пока она приготовит поесть для Аличе и отправит ее спать. Что же касается четы делла Рокка, то они вскоре уйдут и вернутся поздно.

Эрнесто благодарил кого-то там на небесах, что некоторые вещи случаются и в его годы.

Они крадучись вошли в дом. Соледад за руку, как подростка, провела любовника в свою комнату и, приложив палец к губам, велела сидеть тихо. Потом наспех приготовила ужин. Видя, как медленно Аличе ест, она заметила:

– Мне кажется, ты выглядишь усталой, лучше бы тебе пойти спать.

Аличе возразила, что хочет посмотреть телевизор, и Соледад уступила, лишь бы поскорее избавиться от нее, только попросила подняться наверх. Аличе пошла на второй этаж.

Соледад вернулась к своему гостю, и они долго целовались, сидя рядом и не зная, куда деть свои нерасторопные, отвыкшие от объятий руки. Потом Эрнесто

набрался мужества и привлек ее к себе. Пока он возился с этими чертовыми застежками на ее лифчике, тихо извиняясь, что так неловок, она чувствовала себя молодой, прекрасной и лишенной предрассудков. Как и положено, она закрыла глаза, а когда открыла, увидела Аличе, стоявшую в дверях.

Аличе склонила голову набок и смотрела без удивления, как смотрят на посетителей животные в зоопарке.

– Черт возьми, – вырвалось у Соледад. – Что ты тут делаешь? – Она отшатнулась от Эрнесто и прикрыла руками грудь.

– Мне не уснуть, – объяснила Аличе.

По какому-то удивительному совпадению Соледад вдруг вспомнила об этой сцене, когда, повернувшись, увидела Аличе в дверях кабинета, где вытирала пыль на книжных полках. Тяжелая это была работа. Один за другим она вынимала из шкафа увесистые тома юридической энциклопедии в темно-зеленом переплете с позолоченным обрезом и, держа их в левой руке, которая уже начала ныть, правой протирала полки красного дерева, стараясь дотянуться до самых дальних уголков, поскольку адвокат однажды высказал недовольство тем, что пыль стерта только снаружи.

Аличе уже несколько лет не входила в кабинет отца. На пороге ее останавливал невидимый барьер враждебности. Она была уверена – стоит только поставить ногу на гипнотически правильный рисунок паркета, пол треснет под ее тяжестью, и она провалится в черный гроб.

Кабинет был пропитан отцовским запахом. Его источали пожелтевшие бумаги, ровными стопками лежавшие на столе, книги и даже плотные кремовые шторы.

Еще в детстве, когда Аличе посылали сообщить отцу, что ужин готов, она входила сюда на цыпочках. Прежде чем обратиться к отцу, она всегда немного медлила, против воли восхищаясь им: водрузив на нос очки в серебряной оправе, он важно сидел за столом и изучал документы. Заметив дочь, синьор делла Рокка не спеша поднимал голову и морщил лоб, словно удивляясь, а что она тут делает, потом кивал и изображал улыбку.

– Сейчас приду, – говорил он.

Аличе и теперь слышала в кабинете эхо этих слов, словно навсегда застрявших здесь да и в ее голове тоже.

– Привет, мой ангел, – произнесла Соледад.

Она по-прежнему звала ее так, хотя эта стремительно худеющая девушка, стоявшая сейчас перед ней, нисколько не походила на ту сонную девочку, которую она одевала по утрам и отводила в школу.

– Привет, – отозвалась Аличе.

Соледад посмотрела на нее, ожидая, что она скажет, но Аличе отвела взгляд. Соледад снова занялась полками.

– Соль… – наконец заговорила Аличе.

– Да?

– Хочу попросить тебя кое о чем.

Соледад положила книги на письменный стол и подошла к Аличе.

– О чем, ангел мой?

– Мне нужна твоя помощь.

– Помощь? Конечно, а в чем дело?

Аличе намотала на палец резинку от трусов.

– В субботу мне нужно идти на праздник. К моей подруге Виоле.

– Вот как! Это хорошо! – улыбнулась Соледад.

– Хочу принести ей что-нибудь сладкое. И хочу сама приготовить. Поможешь?

– Ну конечно, сокровище мое. А что ты хочешь?

– Не знаю. Какой-нибудь торт… тирамису. Или то пирожное, которое ты делаешь, с корицей.

– По рецепту моей мамы, – гордо заметила Соледад. – Я научу тебя.

Аличе заискивающе посмотрела на нее.

– Значит, в субботу пойдем за покупками? Хотя это и выходной день у тебя?

– Ну конечно, сокровище, – сказала Соледад.

Из-за просительного тона, с каким говорила Аличе, она вдруг снова почувствовала себя нужной и узнала девочку, которую растила.

– А ты могла бы сходить со мной еще кое-куда? – осторожно продолжала Аличе.

– Куда?

Аличе помедлила, а потом выпалила:

– Сделать татуировку.

– О, мой ангел… – вздохнула Соледад слегка разочарованно. – Твой отец против, ты же знаешь.

– Мы не скажем ему. И он никогда не увидит, – настаивала Аличе.

Соледад покачала головой.

– Ну же, Соледад, прошу тебя, – продолжала Аличе. – Если я пойду одна, мне не сделают. Необходимо согласие родителей.

– Ну а я-то что могу?

– А ты притворишься моей мамой. Нужно ведь только подписать бумагу, даже говорить ничего не придется.

– Нет, это невозможно, любовь моя, твой отец меня уволит.

Аличе вдруг сделалась очень серьезной и посмотрела Соледад прямо в глаза.

– Это будет наш секрет, Соль. – Она помолчала. – Ведь у нас с тобой уже есть один секрет, не так ли?

Соледад в растерянности взглянула на нее. И поначалу не поняла.

– А я умею хранить секреты, – многозначительно продолжила Аличе. Она ощущала себя сильной и безжалостной, как Виола. – Иначе тебя уже давно уволили бы.

Соледад почувствовала, как у нее перехватило дыхание.

– Но… – произнесла она.

– Так согласна? – потребовала ответа Аличе.

Соледад опустила глаза.

– Хорошо, – тихо произнесла она, потом отвернулась от Аличе и поправила книги на полке. Глаза ее наполнились слезами.

10

Маттиа старался делать все совершенно бесшумно. Он понимал, что шум в этом мире постоянно возрастает, и не хотел способствовать его увеличению. Он давно уже взял за правило тщательно следить за каждым своим движением – при ходьбе ставил ногу сначала на носок, а потом на пятку, опираясь на

внешнюю сторону ступни, чтобы поменьше соприкасаться с землей. Эту технику он довел до совершенства еще несколько лет назад, когда вставал по ночам и неслышно бродил по дому в поисках чего-нибудь острого. Кожа на его руках невероятно иссыхала, и единственный способ, который позволял убедиться, что руки еще принадлежат ему, заключался в том, чтобы полоснуть по ним лезвием.

И в конце концов такая вот странная, осторожная походка сохранилась у него навсегда.

Случалось, родители совершенно неожиданно обнаруживали его стоящим перед ними, – он возникал из пустоты, как голограмма, спроецированная на пол, и молча смотрел на них исподлобья. Однажды мать даже уронила тарелку от испуга. Маттиа наклонился подобрать осколки и с трудом удержался, чтобы не воспользоваться их острыми краями. Аделе в растерянности поблагодарила его и, когда он ушел, опустилась на пол; еще с четверть часа она не могла прийти в себя от потрясения.

Маттиа повернул ключ в замке входной двери. Он знал, что если надавить на ручку, зажав замочную скважину ладонью, металлический щелчок затвора будет почти не слышен. А если рука забинтована, то еще лучше. Тенью проскользнув в прихожую, он вставил ключ с внутренней стороны и повторил операцию, словно грабитель в собственном доме.

Отец вернулся домой раньше обычного. Услышав его громкий голос, Маттиа остановился, размышляя, войти ли ему в гостиную, своим появлением прервав разговор родителей, или подождать на улице, пока в комнате погаснет свет.

– …потому что нахожу это несправедливым, – с укором произнес Пьетро.

– Да, – возразила Аделе, – ты предпочитаешь делать вид, будто ничего не происходит, притворяешься, будто нет ничего странного.

– А что тут странного?

Они замолчали. Маттиа отчетливо представил себе, как мать качает головой и кривит рот, словно говоря: «Что толку спорить с тобой».

– Странного? – сердито переспросила она. – Я не…

В прихожую из гостиной проникала полоска света. Осмотрев ее контуры на полу, на стене и на потолке, Маттиа убедился, что она образует трапецию, – еще одна зрительная иллюзия, создаваемая перспективой. Мать нередко обрывала речь на полуслове, будто забывала конец фразы, пока произносила начало. Эти паузы казались Маттиа воздушными пузырьками, витавшими вокруг нее. Всякий раз он представлял, как они лопаются, стоит ткнуть пальцем.

– Странно, что он всадил себе нож в руку на глазах у своих товарищей… Странно, что мы решили, будто все прошло… Мы опять ошиблись… – продолжала Аделе.

Маттиа остался совершенно спокоен, когда понял, что говорят о нем, ощутив лишь некоторое чувство вины из-за того, что подслушивает разговор.

– Это не основание для того, чтобы разговаривать с учителями без него, – сказал отец, но уже не так твердо. – Он достаточно взрослый и имеет полное право присутствовать при этом.

– Черт возьми, Пьетро, – вскипела мать. Она давно уже не называла его по имени. – Не в этом же дело, ты можешь это понять наконец? И перестань обращаться с ним так, будто он… – Она снова недоговорила. Молчание витало в воздухе подобно статическому электричеству. По спине Маттиа пробежала легкая судорога.

– Будто он… нормальный, – выдохнула Аделе.

Голос у нее слегка дрожал, и Маттиа подумал, уж не плачет ли она? Впрочем, после того случая она часто плакала. Без всякого повода. Оттого, что мясо, которое она готовила, выходило слишком жестким, или потому, что в растениях на балконе завелись вредные насекомые. Какой бы ни была причина, огорчалась она всегда одинаково. Как будто не умела проявлять чувства по-другому.

– Учителя говорят, что у него нет друзей. Общается он только с товарищем по парте, все время проводит с ним. Вообще-то ребята в его возрасте куда-то ходят по вечерам, ухаживают за девушками…

– Ты думаешь, он… – прервала Аделе мужа.

– Ну…

Маттиа стал соображать, как можно было бы завершить эту фразу, но ничего не придумал.

– Нет, я так не считаю, – решительно сказала мать. – Может, я и предпочла бы, чтобы было так… Иногда мне кажется, будто что-то от Микелы перешло в него.

Отец глубоко и шумно вздохнул.

– Ты обещала, что мы больше не будем говорить об этом, – заметил он с некоторым раздражением.

Маттиа подумал о Микеле, ушедшей в никуда. Мысль о ней заняла лишь долю секунды, после чего его внимание переключилось на тусклое и искаженное отражение родителей на гнутой полированной поверхности подставки для зонтов.

Он принялся царапать ключами левый локоть, чувствуя, как один за другим щелкают по суставу зубцы ключа.

– Знаешь, что меня больше всего ужасает, – сказала Аделе. – Эти его отличные отметки. Только отличные, неизменно лучшие. Они пугают…

Маттиа услышал, как мать всхлипнула. Сначала раз, потом еще, а затем, похоже, уткнулась во что-то носом. Он представил, как отец обнимает ее, стоя посреди комнаты.

– Ему пятнадцать лет, – сказал отец. – Это коварный возраст.

Мать не ответила, всхлипывания становились все громче и сильнее, но потом постепенно стихли, и снова наступила тишина. Тогда он вошел в гостиную и, слегка сощурившись от яркого света, остановился в двух шагах от родителей. Они стояли обнявшись и с удивлением смотрели на него, как подростки, которых застали в самый неподходящий момент. На изумленных лицах читался вопрос:

«Как давно ты уже здесь?»

Маттиа смотрел на какую-то точку между ними. – У меня есть друзья, – сказал он просто. – В субботу иду на день рождения. – Затем вышел в коридор и исчез в своей комнате.

11

Татуировщик с подозрением посмотрел на Аличе и перевел взгляд на женщину со слишком темной кожей и испуганными глазами, которую девочка представила как свою мать. Он ни на секунду не поверил ей, но это его не касалось. Он уже привык к подобным фокусам и капризным подросткам. К нему идут все моложе и моложе, а этой вот нет еще и семнадцати, подумал он. Но не отказываться же от работы из-за какого-то там принципа.

Он указал женщине на стул, и она молча опустилась на него. Сидела прямо, сжимая в руках сумочку, так, будто вот-вот должна встать и уйти. Смотрела куда угодно, только не на иглу.

Девчонка не издала ни единого стона. Он спрашивал ее, больно ли, это был необходимый вопрос, но она, стиснув зубы, отвечала «нет».

Под конец он посоветовал ей не снимать бинт по крайней мере три дня и промывать рану утром и вечером в течение недели. Подарил баночку с вазелином и положил деньги в карман.

Дома, уединившись в ванной, Аличе приподняла крепивший бинт пластырь. Татуировке было всего несколько часов, а она рассматривала ее уже в десятый раз. С каждым разом волнение утихало, подобно луже, испаряющейся на ярком солнце. Теперь она размышляла лишь о том, как долго кожа вокруг рисунка будет оставаться красной. И в конце концов забеспокоилась – а вдруг она не приобретет нормальный цвет? На какой-то момент ее даже охватила паника. Но она отогнала прочь эти глупые мысли. Она устала от того, что каждый ее поступок неизменно оказывается непоправимым, бесповоротным. Про себя она называла это грузом последствий и была уверена, что во всем виноват ее отец,

который столько лет вдалбливал ей в голову ненужные вещи.

Ей так хотелось жить без всяких предрассудков, как живут все ее сверстницы, со смутным ощущением собственного бессмертия. Она бы многое отдала, чтобы обрести легкость и беспечность, свойственные пятнадцати годам, но, пытаясь уловить эту беспечность, она вдруг обнаруживала, что ее время стремительно ускользает. В такие минуты ее мысли начинали бежать все быстрее и быстрее, а груз последствий становился просто невыносимым, подталкивая к капитуляции перед спонтанно принятым решением.

В последний момент она передумала. Парню, который уже включил эту свою гудящую машинку и поднес иглу к ее животу, она сказала именно так:

– Я передумала.

Не удивившись, он спросил:

– То есть мы ничего не будем делать?

– Нет, – ответила Аличе, немного помолчав, – будем. Только не розу, а виолу – фиалку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/paolo-dzhordano/odinochestvo-prostyh-chisel/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Skipass – абонемент для пользования подъемником. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Соответствует российскому сорок шестому.

Купить: https://tellnovel.com/ru/paolo-dzhordano/odinochestvo-prostyh-chisel-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить